

Наш мир стоит накануне радикальных перемен и трансформаций, и оттого, насколько ясно профессиональное сообщество сможет сформулировать, что сегодня происходит с архитектурой, зависит будущее профессии. Казалось бы, строится огромное количество зданий и сооружений, города приобретают совершенно новый облик. Вместе с тем ситуацию в архитектуре и градостроительстве можно оценить как кризисную. Архитектура стала в наши дни своего рода ответвлением промышленного дизайна, и ее смысловой потенциал минимизирован до чистоты, удобства и экономичности. Мечта авангардистов начала XX века осуществилась. Старое разрушено почти до основания. Смыслы архитектуры прошлого, в том числе и XX века, общество в целом перестало понимать. Такое положение дел приводит к неосознанному варварству по отношению к историческому наследию.

Ключевые слова: ситуация в архитектуре и градостроительстве, историческая архитектура, неосознанное варварство, судьба профессии.

Our world is on the eve of drastic changes and transformations. The future of the architectural profession depends on how clearly the professional society can formulate the actual state of architecture.

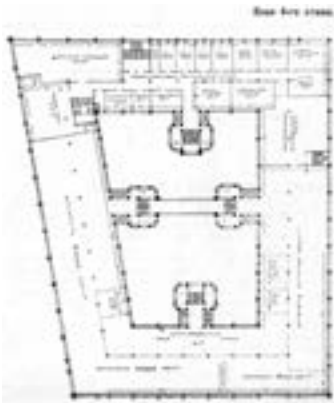
A great number of constructions are being built, and cities acquire a brand new image.

At the same time, the situation in architecture and town planning is critical. Contemporary architecture has become a sort of branch of the industrial design with its semantic potential minimized to purity, convenience and economical efficiency.

The dream of avant gardists of the early XXth century has come true. The old has been almost completely destroyed. The society fails to understand the sense of architecture of the past, including the XXth century. Such situation leads to unconscious barbarism towards historical heritage.

Keywords: state of architecture and town planning; historic architecture; unconscious barbarism; destiny of the profession.

Трещинка, пропасть, бездна... / A Crack, a Gulf, an Abyss...

^ Конкурсный проект здания Центрального телеграфа. Архитекторы братья Веснины, 1925 год

^ Интерьер клуба завода им. Лихачева. Архитекторы братья Веснины

^ Дворец Культуры завода им. Лихачева. Архитекторы братья Веснины, 1933 год

Моисей Гинзбург, идеолог конструктивизма, в программной статье первого номера журнала «Современная архитектура» за 1926 год писал: «Одно десятилетие отделяет нас от архитектурного благополучия довоенного времени, когда в Ленинграде, Москве и других крупных центрах лучшие русские зодчие беззаботно насаждали всевозможные «стили». Много ли десятилетие? Маленькая трещинка времени. Но революция, уничтожив косные предрассудки и отжившие каноны, превратила трещинку в пропасть».

Мы уже никогда не узнаем, лукавил ли тридцатичетырехлетний ниспровергатель основ, мечтавший о новаторской архитектуре, когда писал эти строки. Гинзбургу и его соратникам октябрьский переворот дал уникальный шанс воплотить в жизнь новаторские проекты: российская архитектурная элита в результате революции и Гражданской войны была частично рассеяна по миру, частично уничтожена физически. Послереволюционная эйфория дала возможность экспериментировать с новыми типами зданий, создавать проекты реконструкции городов, не принимая во внимание желания владельцев земельных участков и недвижимости. Такого шанса не было ни у Ле Корбюзье, ни у Гропиуса, ни у Мис ван дер Роэ... Новая власть на первых порах благоволила к авангарду. Ей на фоне всеобщего хаоса и разрухи нужны были образы нового мира,

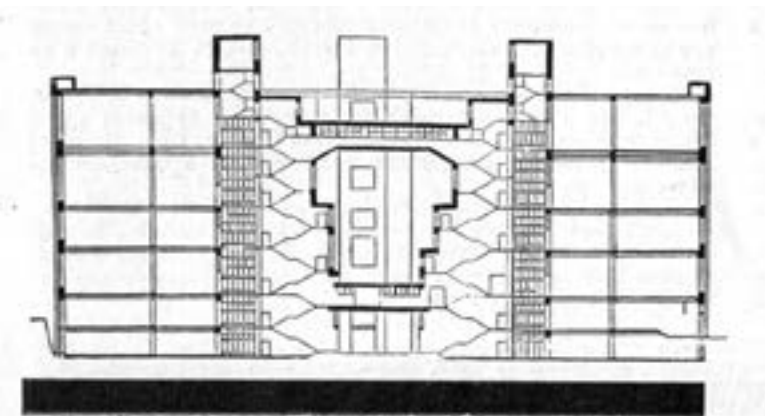
явленные в зданиях, сооружениях, театральных постановках, кинофильмах, живописи и скульптуре.

Попытка классициста Ивана Владиславовича Жолтовского стать demiurгом на послереволюционном архитектурном Олимпе не увенчалась успехом. В 1919 году Жолтовский, явившись к Ленину с рекомендательным письмом Луначарского, добился благосклонности власть имущих, занял официальные командные посты в профессиональном мире, но развить свой политический успех не сумел. В 1923 Жолтовский неожиданно для всех уехал в Италию на три года. Вернулся Иван Владиславович в 1926 году, когда настало звездное время авангардистов. Власть, правда, поиграла с новаторами как кошка с мышкой. Короткое время им было позволено проектировать и строить по-новому, выпускать журналы, полемизировать, дерзить.

Дома, построенные на рубеже XIX–XX веков и ранее, революционным интеллектуалам из ОСА и АСНОВА казались смешными, а Иван Владиславович, верный заветам Андреа Палладио, и его сторонники архаичными. Добротные дореволюционные здания, как по команде, стали именоваться «сундуками», а изысканные особняки в стиле art nouveau и неоклассицизма пошлыми упадочными творениями, «кремовыми тортами» и пр. Было время разбрасывать камни и создавать «проуны» (проекты утверждения нового – термин Л. М. Лисицкого). Нет оснований считать лидеров архитектурного авангарда

начала XX века простодушными или наивными. Они искренне считали, что закладывают основы нового мира и принципиально хотели создать архитектурную оболочку этого мира с нуля, с чистого листа. Они сознательно хотели быть родства со старой архитектурой не помнящими. Их взгляд был обращен в будущее, наполненное в мечтах светом, воздухом и радостью. В переводе на язык архитектуры – стекло, бетон, небоскребы, открытые зеленые пространства, линейные поселения, планировочные параболы, разрывающие кольцевые системы сложившихся городов... Трудности коммунального быта, отсутствие элементарных вещей и удобств представлялись временными. Коммунистическое будущее, где пролетарии построят летающие города, – прекрасным. А пока, в середине 20х годов, братья Веснины жили в московском переулке, в коммунальной квартире, занимали одну комнату, где стояли три кульмана и три железные кровати, чертили карандашами и рейсфедерами с помощью деревянной рейсшины. На бумаге возникали невиданные здания нового мира. То, что было воплощено в жизнь, шокировало обывателей и радовало революционную молодежь.

Провидец Гинзбург, получивший прекрасное архитектурное образование в Италии, Франции и России, где его учили тонкостям «проектирования в стилях», расчету строительных конструкций и прочим премудростям уважаемой профессии, чувствовал, что в архитектуре

^ Конкурсный проект здания Центрального телеграфа. Архитекторы братья Веснины, 1925 год

v «Огурец» Нормана Фостера

^ Дом Морозова. Архитектор В. Мазырин

^ Особняк Рябушинского. Архитектор Ф. Шетель

начинается новая эра и революционные изменения в профессиональном сознании будут необратимы. Он ошибся на 80 лет. Необратимыми они стали в начале XXI века. Хотя всё еще живы в профессиональной среде неоклассические призраки. Правда, неоклассики ныне называют весьма сомнительные постройки и проекты. Например, те, что делаются в казанской мастерской «Антика». «Дети Иофана», конечно, более грамотны, но все равно современные «неоклассицисты» погоды в профессии не делают. Похоже, они пытаются говорить с миром цитатами на уже мертвом языке.

Сомнения в необратимости революции в архитектуре одолели Моисея Яковлевича Гинзбурга через десять лет, в середине 30х годов, когда творения авангардистов стали называть «коробками». Оказалось, что победившему пролетариату нужно что-то другое. (Пролетариат, правда, об этом и не подозревал. Счастьем было получить комнату в коммунальной квартире, нормой была койка в общежитии.)

Времена быстро перестали быть «вегетарианскими». Советский Союз стал мнить себя империей, которой идеологически необходим был в архитектуре подавляющий воображение римский размах с величественными колоннадами, портиками, капителями...

В начале 30х годов XX века рафинированное палладианство И. Жолтовского и его учеников, «красная дорика» И. Фомина,

классицистический конформизм А. Щусева, эксперименты Б. Иофана и А. Бурова стали хрупким мостиком, который встал над временной пропастью, о которой говорил Гинзбург. Этот мостик рухнул в конце 50х годов XX века. В один миг любовно нарисованные портики и капители называли «излишествами», а дома, построенные в это время, вновь стали напоминать «сундуки».

В середине 60х годов XX века молодые архитекторы жаждали перемен и яростно ненавидели советский неоклассицизм. В пылу полемики они не замечали, что классическая выучка ничему не противоречит. «Коробки» конструктивистов, как запретный плод, вновь стали для них желанными. Книга С. О. ХанМагомедова «Пионеры советской архитектуры», выпущенная в 70х годах XX века, правда, сначала в ГДР и на немецком языке, стала бестселлером. Но об этом так и не узнал умерший в 1959 году гений авангарда Иван Леонидов, не узнали ни Эль Лисицкий, ни братья Веснины, ни Моисей Гинзбург... Сердца и нервы архитекторов-новаторов не выдержали страстей сталинской эпохи. Их полный треволнений жизненный путь, как правило, был коротким.

Ученикам Ивана Владиславовича Жолтовского пришлось в начале 60х годов учиться заново. Но, как всегда, нет пророков в своем отечестве. Учиться они стали у западных мастеров «интернационального стиля», которые своими учителями считали архитекторов советского авангарда 20х годов.

Что было после? Едва оформившийся советский модернизм был убит сарказмом постмодерна, заморожен деконструктивистским холодом. Модернистские «коробки» в начале XXI века попробовали приукрасить. В ходе капитальных ремонтов их одели в пластик и стекло. Короче говоря, испортили, не поняв эстетики минимализма. Возможно, если архитекторы и их уважаемые заказчики не опомнятся, идентичных памятников советского модернизма не останется совсем.

В начале XXI века в российских городах начали расти стеклянные небоскребы, гигантские торговые центры, жилые комплексы-«человейники». А за городом особнячки и даже замки «в стилях», с башенками и без. Кирпичные и деревянные. (Представление о богатстве, уюте, красоте у новой российской буржуазии по прямой восходит к XIX веку, и с этим ничего не поделаешь. Но вот беда – цитаты из архитектуры рубежа XIX–XX веков, которые предлагают нашим нуворишам архитекторы, в основном грубы и фальшивы.)

А что же с наследием? Что с «сундуками» и «тортиками» XIX века (и более ранними), с «коробками» конструктивистов, модернизированными «сундуками» советских неоклассицистов, наконец, с «коробками» советских модернистов? Выживут ли они в новом мире?

Есть замечательный анекдот. Большой? Доктор, скажите, я жить буду?

Доктор: Будете, конечно! Но погааано...

Историческую архитектуру пока не разрушили окончательно. Но старые здания повсеместно портят, приспособляя под новые нужды, грубо реконструируют, «встраивают» в новые «объекты», оставляя подчас одну стену от исторического дома. Рекламные плакаты вешают поперек классических портиков. На крышах громоздят огромные видеозащиты.

Архитекторы, конечно, не стремятся намеренно портить постройки своих предшественников. Дело в том, что мало-помалу язык исторической архитектуры стал для них мертвым. Ушло и представление об ансамбле в архитектуре. Пропасть, о которой говорил Гинзбург, превратилась в бездну совсем недавно.

Можно возразить: города перестраиваются и постоянно обновляются. Большинство строений живет около 300 лет, а затем исчезает. Да, это нормальный процесс до тех пор, пока не происходит кардинальная смена социальной парадигмы и, как следствие, смена архитектурной парадигмы.

При смене архитектурной парадигмы общество в целом перестает понимать смысл предшествующей архитектуры, что выливается в неосознанное варварство как архитекторов, так и потребителей. Иницируют революционную смену социальной и архитектурной парадигмы, новые технические средства, меняющие все параметры жизни (см. книгу Маршалла Маклюэна «Понимание медиа»). В результате происходит резкая смена технических и художественных норм, смена

^ Здание общества «Динамо» в Москве. Архитекторы И. Фомин, А. Лангман, 1931 год

^ Здание Наркомзема. Архитектор А. Щусев

v План Москвы. Архитектор Н. Ладовский, 1932 год

масштабов, скоростей передвижения, меняется скорость передачи и масштаб потребления информации.

Можно возразить: европейцы бережно относятся к исторической архитектуре, они не утратили способность к ее пониманию. Это в России, как всегда, все плохо...

Да, туристы со всего мира предпочитают гулять по средневековым улочкам Праги и Брюгге, посещать барочные дворцы и мельком смотрят новые районы. Центры тысячелетних городов для них музей под открытым небом, приятный аттракцион. Но кто сказал, что посетители музеев понимают и ценят музейные экспонаты... Принято культурным людям посещать музеи. Но смотреть и видеть – разные вещи.

В то же время жители исторических районов нередко испытывают массу неудобств. К дому затруднен проезд – улицы узкие, бесконечные пробки, нигде парковать машину, нет близко супермаркетов, где можно купить продукты, утомляют толпы туристов... Средний класс покидает, как правило, центры исторических городов и селится в новых районах. Так, например, в районе башни «Галата» в Стамбуле социальный состав населения сменился в течение нескольких десятилетий. Там, где жили состоятельные люди, поселилась беднота. Дома XIX века и более ранние разрушаются. У жителей нет средств на их поддержание. Толпы туристов равнодушно смотрят на обветшалые строения. Для них это экзотика и хороший фон для селфи. Ночевать они будут в унифицированных

номерах современных гостиниц.

Понимание языка архитектуры – это способность большинства членов общества отличать настоящее от подделок, понимать какие критерии работают в оценках, что красиво, что безобразно. Критериев для оценки строений, появляющихся сегодня по всему миру, практически нет. Поэтому прекрасен ли фостеровский «огурец» в Лондоне – сказать трудно. Необычен, технологичен, функционален – да! Красив? Может быть, и красив... На вкус и цвет товарищей нет. Да и критики ничего о красоте предпочитают не говорить. То, что в архитектуре ситуация нестабильна и наступил кризис, пишут, а о красоте молчат.

В начале XX века особняк Арсения Морозова на Воздвиженке, построенный в мавританском духе архитектором Виктором Мазыриным, разве что ленивый не называл отвратительным и безвкусным. Мать Арсения, Варвара Алексеевна Морозова, сказала историческую фразу своему сыну: «То, что ты дурак, знали единицы. Теперь об этом будут знать все».

О творениях Франца Осиповича Шехтеля, созданных в это же время, никто и никогда не говорил, что они безвкусны. Сегодня редко кто сможет объяснить, почему так ругали Мазырина и его богатого заказчика, и почему так хвалили Шехтеля. Вероятно, что-то люди рубежа XIX–XX веков понимали такое, о чем сегодня и не подозревают ни архитекторы, ни заказчики: им все равно, что Мазырин, что Шехтель,

v Дворец Советов. Автор проекта Б. Иофан, 1931–1933 годы

что Жолтовский. А если все равно, значит, все хорошо. Какие уж тут тонкости и различия!

Когда теоретики архитектуры говорят сегодня, что архитектура умерла, они, как это ни печально, правы. Новые строения не претендуют, так же как и объекты дизайна, на долгую жизнь, а в пределе – на вечность, что всегда было одним из основополагающих качеств архитектуры. То есть новые сооружения являются дизайнерскими творениями, которые могут быть заменены в любой момент без ущерба для окружающей среды. Увы, историческая архитектура в современной культуре так же непонятна для

большинства, как древнегреческий, латынь, арамейский и другие мертвые языки. Впрочем, перевранными латинскими цитатами пижоны с удовольствием украшают свою речь, а архитекторы позволяют себе «клеить» на стеклянные фасады несообразные «классические» портики, пилястры, капители... Так уже было. В Колонне есть дом XVII века, где колонна поставлена вниз капителью. Не понял провинциальный зодчий смысла ордерной архитектуры, он просто украшал фасад... Цитата, понимаете ли... Классика. «Вени. Види. Вицин...», как сказал один знаток латыни.

Елена Багина / Elena Bagina